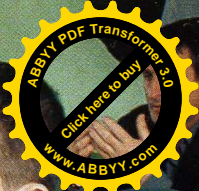
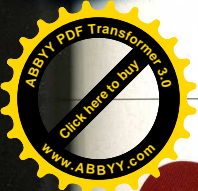

Почему этнический сепаратизм на Северном Кавказе вытесняется исламским фундаментализмом?
Максим Момот

ХАЛИФАТ вместо Ичкерии

Северный Кавказ продолжает оставаться самым неспокойным регионом России. Более того, начиная с мая сводки о преступлениях поступают оттуда все чаще. В столице Чечни смертники взрывают себя у зданий республиканского МВД, театрально-концертного зала, городской гимназии, Дома моды, на улицах... В Ингушетии так же тревожно: в июне было совершено покушение на президента республики Юнус-Бека Евкурова, в Назрани в августе террорист на «газели» взорвал себя во дворе здания, где находятся ГОВД и РОВД. Еще одна трагическая новость: убийство 20 сентября зампреда Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя Исмаила Бостанова. В МВД КЧР считают, что убить его могли исламисты. В борьбе с федеральными и местными властями они уверенно перехватили инициативу у сепаратистов. В этом и состоит кардинальное отличие нынешних террористов от боевиков 1990-х. На смену борцам за независимость Ичкерии, ее бригадным генералам и полевым командирам пришли эмиры различных районов, джамааты, шахиды... Почему этнический сепаратизм уступает место религиозному экстремизму и как противостоять этой угрозе?

Пуритане ислама

Религиозные мотивы в действиях сепаратистов были сильны уже во время второй чеченской войны, начавшейся со вторжения Хаттаба в Дагестан в 1999 году, напомнил журналу «РБК» первый вице-президент Центра политических технологий Алексей Макаркин. Фактически это нападение было попыткой распространить мусульманский радикализм. Постепенно часть боевиков, сражавшихся за независимость Чечни исходя из национальных, а не религиозных соображений, перешли на сторону федеральных сил. Их подразделения и оружие были легализованы, а лидеры получили официальные должности в Чеченской Республике.

Исламисты же так и остались в подполье. Они предложили новую для региона идею справедливости, которая на практике означает неприятие коррупции и клановой системы. Ведь национальную идею до сих пор использовали именно кланы для борьбы за конкретные должности и контроль над денежными потоками. Религиозные экстремисты закрепили за собой иное идеологическое поле, собирая

Наследники коммунистов

В современной политологии существует два основных подхода к объяснению всплеска исламизма в мировом масштабе на протяжении последних десятилетий (одним из наиболее ярких событий в этом контексте стала исламская революция в Иране в 1979 году). Согласно первому, фундаментализм является реакцией традиционного общества на процессы модернизации: привычный патриархальный мир распадается, население перемещается в города, где сложнее следить за соблюдением религиозных норм. Рост влияния исламского фундаментализма, таким образом, связан с попыткой мусульман вернуть прежний мир. Согласно другому взгляду, ситуация объясняется тем, что секулярное общество, где религии не отводится значимая роль, не может удовлетворить духовных потребностей человека, а это приводит к восстанию против такого общества. Сторонники данного подхода указывают на рост христианского фундаментализма в США начиная с 1970-х годов. Еще одну версию предложил журналу «РБК» политолог Александр Коновалов. По его мнению, исламизм получил шанс после краха Советского Союза. «В результате гибели коммунистического проекта устройства общества остался только либерально-демократический, но долго так продолжаться не могло, – подчеркнул г-н Коновалов. – В мире начал формироваться радикальный исламистский контрпроект, который является примитивной версией справедливого общества». Религиозные экстремисты, как прежде коммунисты, претендуют на то, что знают рецепт построения нового, лучшего мира.

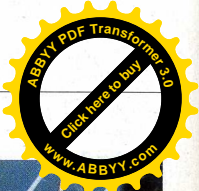
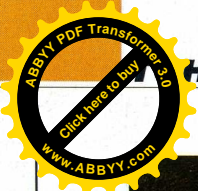
вокруг себя всех недовольных самой сутью установившихся порядков. К ним и пошла радикально настроенная молодежь, осознавшая, что борьба за независимость не избавит российский Кавказ от коррупции и неэффективного управления.

Движение исламистов пополняется из различных источников. С одной стороны, в него вливаются оставшиеся без работы представители молодого поколения, а также те, у кого нет родственников во властных структурах и кто по этой причине оказался чужим в клановом обществе. С другой – в их ряды вступают образованные люди, которые могли бы найти место в существующей системе, однако не желают мириться с ее недостатками. По мнению г-на Макаркина, борьба ваххабизма с традиционным исламом похожа на борьбу радикальных про-

тестантских движений с католической церковью в период позднего Средневековья. Тогда в Европе тоже шли религиозные войны, но католическая церковь сумела выдержать идеологическое противодействие и ситуация постепенно стабилизировалась. «Кто-то из специалистов назвал ваххабитов пуританами ислама, проведя прямую аналогию с английскими пуританами, которые в XVII веке были одной из сторон в гражданской войне в Англии», – говорит Алексей Макаркин.

Переговоры невозможны

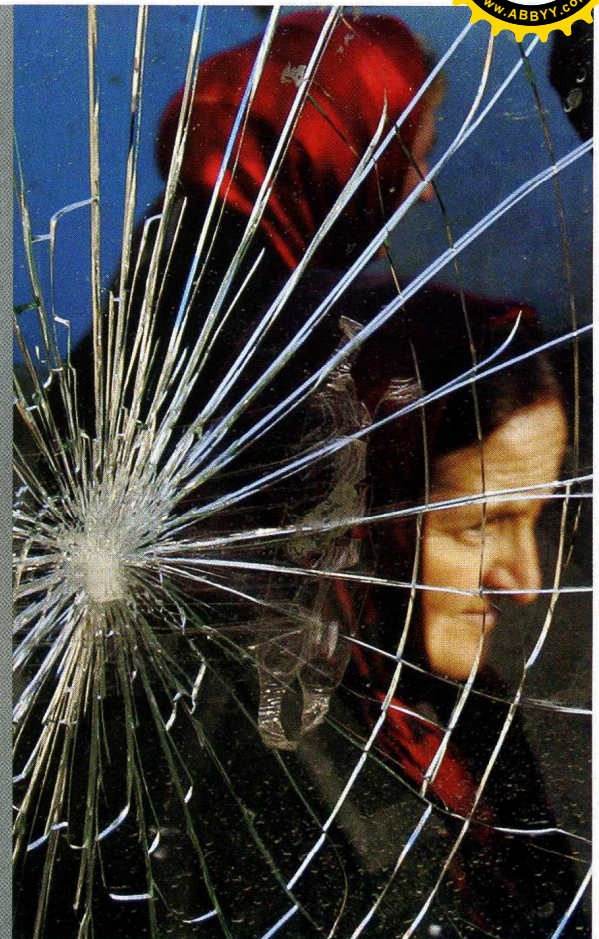
Принципиальным отличием исламистов от тех сепаратистов, которым противостояли российские власти на Кавказе на протяжении почти всех 1990-х годов, является нежелание первых идти на компромиссы. Национа-

Ахмед Азимов,
председатель
исполкома
Российского конгресса
народов Кавказа,
советник председателя
Совета муфтиев
России

Терактов будет больше

«К сожалению, нам нужно готовиться к росту числа терактов на Северном Кавказе, поскольку серьезных системных подходов к решению проблемы радикализации кавказской молодежи пока не предложено. Главная причина экстремизма в регионе – нерешенность внутренних проблем: социально-экономических, политических, идеологических. Молодежь, сталкиваясь с социальной несправедливостью, будет склоняться к уходу в леса. Молодой человек, мусульманин, оказывается перед необходимостью определить свою позицию по отношению к существующему положению вещей. Перед ним выбор: либо как-то реагировать на эту несправедливость, либо закрывать на все глаза и становиться каким-то бессмысленным, безыдейным существом. Многие ребята, которые не хотят превращаться в такую массу, не находя иной возможности для реализации социального протеста, бегут в лес. Разумеется, есть сильная машина по вербовке, которая обрабатывает мозги и ставит людей на путь экстремизма, но роль внешнего фактора не стоит преувеличивать: если бы серьезное внешнее влияние существовало, ситуация была бы намного хуже. Для решения проблемы нужно делать упор на идеологические мероприятия. Любое неоправданное силовое воздействие породит новый всплеск радикализма».

Нельзя позволять лидерам северокавказских республик нарушать закон якобы во имя наведения порядка – несправедливость и толкает молодежь к экстремизму

листы могут поступиться частью автономии ради достижения соглашения с центром, а с религиозными фундаменталистами переговоры по этому принципу вряд ли возможны, поскольку никакие уступки в отношении веры недопустимы. Профессор кафедры политических наук Еврейского университета в Иерусалиме Абрахам Дискин подчеркнул в интервью журналу «РБК», что даже умеренных исламских лидеров, как показывает опыт Израиля, не устраивают компромиссы. При этом непосредственная угроза, исходящая от религиозных экстремистов, превышает тот ущерб, который могут нанести националисты. Г-н Дискин констатирует: сил мусульманскому фундаментализму придает сочетание нескольких факторов – непримиримой идеологии, готовности к самоубийству для осуществления теракта и потенциального доступа к оружию массового поражения. Смертников трудно остановить, с ними бесполезно вести переговоры, как и с их лидерами, а вероятность теракта с ис-

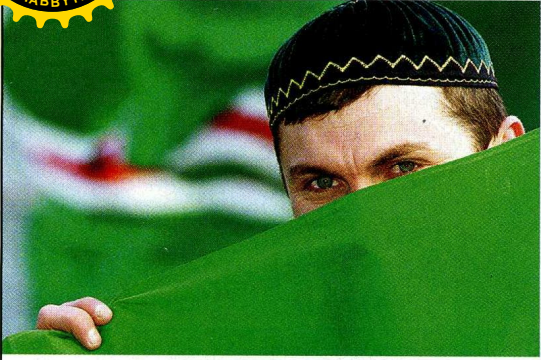
пользованием химического, бактериологического или ядерного оружия особенно высока, потому что привычных для Запада нравственных принципов у этих людей нет. «К сожалению, проблеме нельзя решить переговорами и хорошими словами, приходится применять силу», – отмечает Абрахам Дискин. По сути, российские власти придерживаются как раз такого подхода, о чем говорят постоянные спецоперации на Северном Кавказе. Другое дело, что одним каленым железом эту проблему не выжечь...

Периферийная проблема?

Конечно, активность террористов на Северном Кавказе зависит не только от решения острых вопросов в регионе, но и от ситуации в мусульманских странах в целом. «Исламская революция в суннитском мире затихнет лет через 50, – полагает президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский. – А до тех пор пробле-

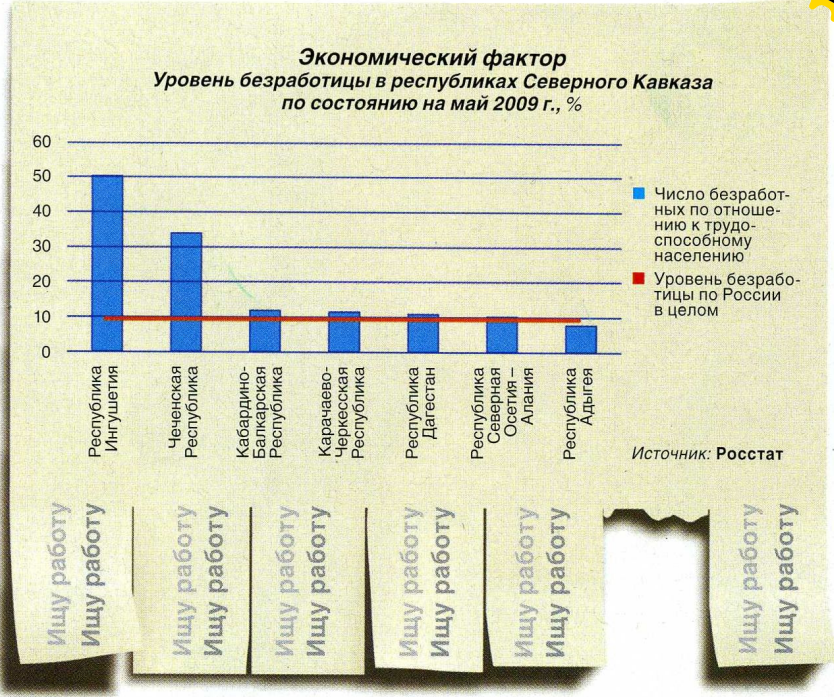
мы могут возникать и на российском Кавказе, и в Поволжье». К тому же в ближайшем будущем ситуацию может осложнить вывод американских войск из Ирака. Это позволит части экстремистов высвободить руки для борьбы на нашей территории. Но как бы ни были сильны позиции исламистов на Северном Кавказе, их влияние не стоит преувеличивать. Г-н Сатановский уточняет, что данный регион всегда был для мусульманского мира периферийным, жил по адату (племенные традиции, обычное право), а не по шариату.

Эксперты сходятся во мнении, что решение кавказских проблем должно быть комплексным. Именно такого взгляда и не хватает российским властям на Северном Кавказе. «Есть определенные попытки противодействовать проникновению экстремистских идей, однако нет концептуального видения того, что надо делать, – считает старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований

Английский опыт

Ту роль, которую для нынешних террористов на Северном Кавказе играет ислам, для жителей Ирландии, стремившихся освободиться от власти Великобритании, в какой-то степени играл католицизм. После многовекового противостояния Лондон был вынужден предоставить независимость большей части острова, но в образованной в начале 1920-х годов британской провинции Северная Ирландия католики оказались в меньшинстве. Они жаловались на дискриминацию при приеме на работу, при предоставлении жилья. Отчужденность католического населения усиливалась, поскольку правящая партия была связана с радикально настроенными протестантами. Террористическая деятельность боевиков-католиков и насилие, к которому прибегали протестанты, довели регион до состояния анархии. Порядок восстанавливали британская армия и специальные полицейские силы. К концу 1920-х ситуация стабилизировалась, однако экономический кризис 1930-х, приведший к высокому уровню безработицы, спровоцировал новые столкновения. Правительство пыталось исправить положение, принимая социальные программы, уровень жизни в регионе вырос, тем не менее незащищенность прав католиков и стремление к независимости привели к возобновлению террористической войны в начале 1970-х. Было введено прямое правление из Лондона. И лишь в 1998 году удалось достичь соглашения об учреждении Североирландской ассамблеи и разделе власти в соответствии с влиятельностью партий. Согласно принятому документу, любое изменение статуса Северной Ирландии теперь возможно только в том случае, если за это проголосует большинство жителей. Однако потенциал конфликта не исчерпан до сих пор.

Института этнологии и антропологии РАН Ахмет Ярлыкапов. – Заметны лишь отдельные шаги». Так, Кремль вроде бы понимает, что без построения здоровой региональной экономики бороться с терроризмом бессмысленно. Но в то же время он вынужден смотреть сквозь пальцы на коррупцию в северокавказских республиках, чтобы не потерять лояльности местных элит. В результате, по словам г-на Ярлыкапова, коррупцией пронизано все общество в этом регионе. «Может быть так, что для устройства на работу с зарплатой 5 тыс. рублей в месяц нужно заплатить 50 тыс.», – говорит эксперт.

Что делать в этом случае? Очевидно, что Кремль все же должен установить контроль за расходованием федеральных субсидий. Вероятно, с этой целью придется назначать на ключевые посты как можно больше людей, не связанных с республиканскими элитами. И назначение президентом Ингушетии кадрового военного Юнус-Бека Евкурова может стать хорошим примером. Естественно, есть опасность нового взрыва, тем не менее сохранять нынешнюю ситуацию уже нельзя. Развитие экономики позволит хотя бы в какой-то степени решить проблему невостребованности молодежи. Это, в свою очередь, упростит распространение умеренной версии ислама, лишив радикальных проповедников части потенциальных последователей.

Именно развитие исламского образования внутри России должно стать для центра одним из способов борьбы с экстремизмом. Ведь его корни можно

искать в зарубежных исламских университетах, где обучаются россияне, подчеркивает сотрудник Даремского университета (Великобритания) Стивен Лайон. В вузах РФ студентам привили бы понятие о единой российской идентичности. Не надо забывать, что ряды террористов часто пополняют те, кто чувствует себя чужим в обществе. Впрочем, в образовании такого рода нуждаемся все мы, потому что порой как раз негативное отношение к выходцам с Кавказа со стороны остальных россиян и усиливает у первых ощущение отчужденности. «Серьезной является проблема личностной идентичности, – уточняет Ахмет Ярлыкапов. – Кто такие кавказцы? Они вроде бы граждане России, но, выезжая за пределы региона, оказываются чужими. Есть масса причин, подпитывающих недовольство».

Придется обновить и судебский корпус, иначе альтернативные шариатские суды будут пользоваться все большей популярностью. Нельзя позволять руководителям северокавказских республик нарушать закон якобы во имя наведения порядка: незаконные аресты только обостряют чувство несправедливости, которое приводит молодежь в ряды экстремистов. Обобщая все это, следует признать, что Москва должна уделять Северному Кавказу гораздо больше внимания, чем это было до сих пор. Очевидно, что для решения проблем потребуются годы. Но не менее очевидно и то, что такая цель стоит любых усилий, ведь от нее зависит стабильность всей России.